
ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ИМПЕРАТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ИНТЕРЕСАХ ДЕТЕЙ

С.Н. Щеглова

В статье анализируются основные тенденции трансформации современного детства в связи с реализацией Конвенции ООН о правах ребенка и трансформацией информационного пространства. Представлены предложения по корректировке государственной политики в интересах детей, активизации деятельности общественного сектора в защите прав ребенка.

Ключевые слова: детство, государственная политика в интересах детей, права ребенка, границы детства, детская субкультура, детские общественные организации

Как изменится детство в новом столетии? Какое влияние на эти изменения имеет распространяющаяся практика установления особых прав детей в обществе и семье? Большинство социологов-исследователей России, Западной Европы (прежде всего Германии) и Америки солидарны в основном тезисе прогноза: происходит серьезное изменение как самого детства, так и статуса ребенка в обществе.

Б.Д. Эльконин и В.И. Слободчиков, применив гипотезу Д.Б. Эльконина об историческом происхождении периодов детства, обосновали идею о современном кризисе российского детства как особом критическом периоде в историческом развитии детства, который может быть преодолен совместными усилиями общества и государства [Эльконин, Слободчиков, 1991; Эльконин, 1992]. С точки зрения авторов, это кризис определенного детства, в котором освоение культуры и взросление было единым процессом, то есть взросление выступало как освоение культуры, а освоение культуры представлялось всему сообществу и, конечно, ребенку как взросление. Социолог Ю.В. Овинова делает выводы о необходимости расширения границ кризи-

са, понимаемого как разрушение общности детей и взрослых [Овинова, 1998]. По мнению автора, нужно говорить о разрушении статусного профиля внутри самой когорты детей, которое характеризуется установлением неравенства условий стартового потенциала, различными жизненными шансами детей на получение социальных и культурных благ.

Индивидуализация детства означает, что для детей и подростков нет больше проторенных путей, дорог и примеров в жизни. Свою жизнь ребенок строит по собственным представлениям, имеются многочисленные возможности для образования, культура и средства массовой информации полностью доступны для детей без каких-либо ограничений, имеет место все более ранний уход из семьи. Немецкий исследователь П. Бюхнер в 1990 году говорил о дестандартизации и индивидуализации детской биографии, в качестве примеров приводя факты серьезного смещения ранее единых биографических пунктов, например поступления в школу [см.: Бюхнер и др., 1996]. Х. Цахер ввела в употребление метафору «превращение детства в остров», имея в виду его отчуждение и индивидуализацию. Ряд ученых, в том числе и Дж. Колеман, видят опасность того, что постепенно общение между отцами и детьми, дедами и внуками будет сведено к минимуму. В 1990 году У. Дамон выдвинул идею о постепенном углублении разрыва между ранним детством, которое еще сохраняет свою сущность, и подростковым периодом, полностью подвергшимся индивидуализации [см.: Coleman, 1986; Damon, 1984].

Тогда же У. Бек и Х. Попитц выразили сходное мнение в обозначении нового явления «*эмансипация детей*», под которым они понимают приобретение ребенком все более значимого места в семье, в учреждениях образования и вообще в обществе [см.: Kinderkultur, 1987]. В конце XX века некоторые ученые (среди них Н. Постман, США, 1982) говорили об *исчезновении детства* [Смелзер, 1994]. По мнению Постмана, колесо истории совершило полный оборот, и, как в далекие времена на заре жизни человечества, детства более не существует. В качестве доказательств приводятся примеры возросшей информированности детей по вопросам секса, смерти, болезней, денег и прочее, то есть по темам, ранее табуированным для юного поколения. Другой термин еще в 1981 году применил Х. Хенгст: он говорил о тенденциях ликвидации детства [см.: Kinderkultur, 1987]. Ученый настаивал на том, что детство превращается усилиями взрослых в «фикцию», так же считал и М. Виннс, говоря о «детях без детства» [см.: Richter, 1985].

Различие во взглядах внутри обозначенной позиции идет по пути признания отмеченных явлений в качестве объективного, надсубъектного процесса или же является результатом целенаправленных осознаваемых и неосознаваемых действий взрослых людей. Свои рассуждения приверженцы идеи исчезновения детства склонны подтверждать объективными демографическими тенденциями развития европейского общества, большинство из которых характерны и для России. А вот немецкий профессор Д. Рихтер в 1980-х годах отмечал обратную тенденцию, а именно: попытку нивелировать пропасть между взрослыми и деть-

ми, своеобразное «слияние детства и взрослого мира» [Richter, 1985]. Ученый делал акцент на растущей похожести детей и взрослых, в частности, в отношении одежды, моды. Например, более половины опрошенных немецких женщин в возрасте старше 30 лет предпочитают в одежде и поведении подростковый стиль. Телевидение предлагает одинаковые программы для взрослых и детей. Структуры деятельности сближаются и становятся похожими друг на друга; школа уже в гораздо большей степени, чем еще одно или два поколения назад, организационно строится аналогично взрослой трудовой деятельности. В так называемом взрослом мире наблюдается процесс, основным девизом которого можно считать слова: «Учиться на протяжении всей жизни». Социологи полагают, что в мире возросла степень инфантилизма взрослых, а многие подростки, напротив, смотрят на мир более прагматично и трезво.

Современное детство подвержено революционным изменениям – глубоким и быстрым трансформациям, в терминах П. Бергера и Т. Лукмана *альтернативам*, которые приводят к тотальным переменам всего социального образования или его отдельных форм [Бергер, Лукман, 1995]. Альтернативы детства серьезно влияют и на взрослый мир, провоцируя ресоциализационный процесс родителей, педагогов и других взрослых.

Современная альтернатива детства обусловлена важными процессами социально-экономических, культурных и политических трансформаций общества, а также определенными событиями международного и национального значения – принятием Конвенции ООН о правах ребенка (1989) и целого ряда законодательных актов в конкретных государствах. Некоторые трансформации, задумывавшиеся как альтернативы, не претворяются в жизнь в силу отсутствия соответствующих условий. В своей работе П. Бергер и Т. Лукман предположили, что для успешной альтернативы необходимы социальные и концептуальные условия, а также наличие матрицы соединения первых и вторых. Среди важнейших социальных условий ими называется наличие эффективной вероятностной структуры – социального базиса, своеобразной «лаборатории» для трансформации.

В целом, соглашаясь с данным подходом, подчеркнем значимость социальных, в том числе экономических, политических и информационных факторов для глубоких конструктивных изменений детства, в противном случае альтернативы могут в течение долгого времени оставаться в фазе, названной упомянутыми выше авторами «послушничеством», то есть иметь распространение лишь в среде «вожатых по новой реальности» – ограниченно-го круга представителей общества.

Детство определяется нами как особое социальное образование – совокупность объектов, событий, процессов, социальных институтов и социальных практик в отношении детей, выраженных в действиях и языке [Щеглова, 2003а]. Детство формируется и поддерживается обществом, а также постоянно возобновляется в процессе жизнедеятельности детей, интегрирующихся в социум. Детство – активно трансформирующийся элемент общества, испытывающий влияние множества факторов и условий. Детство начала XXI века обладает ря-

дом уникальных отличительных характеристик. Анализ развития современного российского общества свидетельствует о том, что оно находится в состоянии риска. Охватывая в той или иной степени все слои населения, состояние риска особенно болезненно сказывается на детях как особом субъекте социальных отношений. О снижении качества жизни детей свидетельствуют многочисленные данные социологических обследований [Рыбинский, 2000; Орешкина, 2004]. По нашему мнению, главными факторами, оказывающими сегодня влияние на статус детства в масштабах мирового сообщества и в России, являются развитие и внедрение идеи прав ребенка и изменение информационного пространства.

Основные векторы трансформации детства начала века

Подвижность границ детства как возрастного периода. Дети в современном российском обществе – социальная категория, обрамленная различными институтами, а также различными ритуалами, законодательством, направленным к возрастным ограничениям. Возрастные границы детства от 0 до 18 лет легитимированы Федеральным законом «Об основных гарантиях по защите прав ребенка» и Конвенцией ООН о правах ребенка. Однако эти легитимированные границы подвергаются в общественном сознании сомнению [Щеглова, 1997].

Сегодня, как мы полагаем, можно говорить о возникновении новых социальных практик, связанных с тенденцией признания ребенка с момента зачатия или чуть позже, с момента его формирования во чреве матери. Данная тенденция проявляется на уровне опривычивания в создании специальных программ для детей в период внутриутробного развития, общения их с родителями (например, музыка для детей, школы сознательного родительства, обучающие родителей «общаться и воспитывать характер» еще не рожденных детей). Опривычивание этих практик происходит также путем представления образа «нерожденного ребенка» и его использования в рекламе, художественных произведениях. Основными механизмами конструирования этой нижней границы выступают религиозные и научные учения.

Переход от детства к взрослости – это один из важнейших сконструированных элементов социальной реальности детства. В современном обществе, по нашему мнению, общественные указатели и личностное самоощущение взрослости не совпадают.

Роль ребенка в современном обществе выстраивается прежде всего в направлении ее противопоставления роли взрослого, и в обыденном сознании вербализуется в таких формулах, как «ребенок еще не может или не должен делать». В детской среде разрушен нормативный образ взрослого, но некоторые контуры этой модели все еще сохраняются. Взрослый – это тот человек, который имеет паспорт, получил образование, занят на оплачиваемой работе, ведет сексуально активную жизнь, имеет семью и детей, освобожден от опеки родителей, обладает неким психологически зрелым пониманием жизни. Отметим, что в данном наборе находятся индикаторы, которые в современных реалиях серьезно рассог-

очередь развиваются специальные государственные социальные программы. Индивидуальное детство несомненно «зависит» от семьи, причем, на наш взгляд, не только от статуса семьи как благополучной / неблагополучной и ее полноты / неполноты, но и от таких важных понятий, как стиль жизни, тип родительства, наследование родительских аттитюдов. В качестве стратифицирующих факторов современного детства выделены: гендерный, поселенческий (город / село), региональный, стратовый, или социально-классовый, этнический.

Нынешнее поколение приобретает характеристики медиапоколения. В общественном сознании циркулируют утверждения о том, что якобы новые средства массовой коммуникации (СМК), прежде всего компьютер и Интернет, занимают все свободное время подростков; дети совсем не читают, не общаются друг с другом, с помощью компьютера просвещаются в вопросах секса, привыкают только развлекаться; жестокость детей спровоцирована СМК. Данные положения могут классифицироваться как моральная паника общества в отношении детства, так как, во всяком случае пока, они не находят документального подтверждения по результатам социологических исследований [Цымбаленко и др., 1999].

Новые СМК, включая электронные, влияют на все общество, а не только на его юных членов. Однако сегодня в российском обществе обсуждаются, как правило, только негативные последствия этого влияния, причем лишь в отношении молодого поколения. Новые средства массовой коммуникации называются виновниками за те неудачи в воспитании подрастающего поколения, которые переживает общество. Дети и подростки болезненно реагируют на адресуемые им запреты взрослых и ограничения в потреблении СМК.

В списке используемых подростками источников информации, судя по нашим данным, представлен весь спектр коммуникационных каналов, наибольший интерес для них представляют сведения, связанные с переживаемыми событиями, актуальным социальным опытом, своей возрастной группой и субкультурой. В повседневной жизни детей и особенно подростков наблюдаются серьезные изменения, особенность которых состоит в независимости от ограничений во времени (ночное ТВ, Интернет), по месту (плеер, ноутбук), по содержанию (интерактивные программы, чаты). Появились особые группы детей, активно овладевающих компьютером, условно названных нами из-за отсутствия специального термина «компьютерными детьми». На наш взгляд, уже сегодня имеются различия между «компьютерными детьми» и «теле-видео-аудиодетями», между теми, кто используют компьютер как развлечение, компьютер как средство общения и компьютер как форму жизнедеятельности. Освоение компьютера происходит преимущественно в мужской среде: соотношение между мальчиками и девочками, отметившими эти варианты ответов, составляет 4:1 [Цымбаленко и др., 1999]. В недалеком будущем могут потребоваться специальные программы по приобщению девочек к информационным технологиям, иначе при сохранении зафиксированных сегодня тенденций различия половых групп будут нарастать, формируя условия для дискриминации девочек и женщин в образовании, труде, социальной активности.

Новые социальные практики в семьях. Дети продолжают рассматриваться на микросоциальном уровне как основная ценность. Для России остается значимым фактор ценности ребенка как социального страхования родителей в старости [Митрикас, 2004].

В целом по России семьи становятся преимущественно однодетными, и все надежды взрослых членов семьи возлагаются на этого единственного ребенка. Реализовывать ожидания своих родителей, порою неоправданно завышенные, ребенок призван уже в детском возрасте. Выполняя многочисленные родительские указания, ребенок, порой, лишается собственного детства. На поколенческие взаимоотношения влияет также и то, что старшее поколение сегодня представляет собой группу, которая, как правило, не имеет опыта в уходе и развитии какого-либо ребенка, так как сама росла без братьев и сестер. Эта группа не имеет также опыта отношений с чужими детьми в силу все большей обособленности проживания, а потому представители этого поколения нередко боятся и чуждаются детей. Собственный ребенок является первым и чаще всего единственным представителем юного поколения, с которым необходимо как-то строить свои отношения, а опыт подобных взаимосвязей у современных родителей отсутствует.

Взрослые испытывают своеобразную зависимость от детей, иногда даже в форме диктата требований, например в сфере потребления. Такие отношения поддерживаются нормами, традициями и санкциями, которые чаще всего носят эмоциональный характер.

Вместе с тем в некоторых семьях практикуются *инновационные модели отношения к детству*. Наше исследование со всей определенностью показало, что в 90-е годы взрослые выказывают больше внимания к желаниям и нуждам детей, но лишь в области потребления. Так, широко распространилась практика выдачи карманных денег для детей. Значительно возрастает авторитет детей в глазах родителей, их адаптивные способности часто служат моделью поведения в глазах родительского поколения. Юные в настоящее время ощущают себя экспертами по многим вопросам жизни семей. Они дают родителям рекомендации относительно того, какую бытовую технику и где купить (29,7 % респондентов), что носить из одежды (26,3 %), как родителям общаться друг с другом (25,9 %), как работать на компьютере (6,8 %) [Щеглова, 2001].

Подростки чутко улавливают устанавливающиеся социокультурные различия между поколениями как в связи с происходящими в нашей стране социально-экономическими преобразованиями («родители не знают, как заработать огромные деньги», «как сложно получить образование и тяжело устроиться в жизни»), так и с общими тенденциями мирового развития («не знают о равных правах мужчин и женщин», «о компьютерах и Интернете»). Есть дети, крайне категоричные в своих высказываниях: «родители не знают жизни», «не знают, как стать счастливыми» [Цымбаленко и др., 1999]. Дети осознают свое превосходство над родителями в знаниях и умениях по ряду аспектов, а поэтому в глазах таких детей родители теряют право на руководство их поведением и оценку. Слова

Э. Эриксона о детях как культурных родителях своих биологических родителей, написанные им в отношении анализа иммигрантской среды, можно отнести и к реалиям современной России [Эриксон, 1996].

В постсоветской России наблюдается тенденция уменьшения сферы государственной интервенции в семейную сферу. Так, главная воспитательная функция сегодня остается исключительно за семьей, значительно сужен сектор социальной инфраструктуры детства, определенно влиявшей в советские времена на поддержание здоровья, физическое, умственное и социальное развитие детей. Тем не менее диктат государства фиксируется в требованиях к родителям относительно обязательной регистрации новорожденных, выполнения определенных медицинских манипуляций (вакцинации, медосмотров), образования ребенка и некоторых других. Государство берет на себя функции контроля за правами ребенка в делах недвижимости, роль последней инстанции в решении вопроса о проживании ребенка с одним из родителей в результате развода.

Сообщество ровесников существует как часть образа жизни ребенка. Общение с друзьями сегодня занимает все большее место в жизни подростков (67,4 % в 1998 году по сравнению с 38 % в 1990 году). Растет значимость проведения времени в кругу друзей с возрастом респондентов (с 51,2 % до 73,2 %). Отношение к ровесникам и товарищам за последнее десятилетие становится менее критичным. Меньшее количество опрошенных дает отрицательную оценку курению (66,9 % в 1990 году и 56,3 % в 1998 году), употреблению алкоголя (1990 год – 66 %, 1998 год – 57,1 %), употреблению ругательств (1990 год – 54,4 % и 1998 год – 50,9 %), членства в компаниях, которых все боятся (48,5 % в 1990 году и 33,0 % в 1998 году) [Щеглова, 1998]. Тенденции трансформаций детской субкультуры начала века проявляются в сужении игрового пространства, увеличении различий между детской и подростковой субкультурами, культурой девочек и мальчиков, через влияние криминальной среды на подростковую субкультуру. Конструирование новых элементов обусловлено общими социальными процессами, а также целенаправленными действиями отдельных структур. Возникла своеобразная оппозиция между культурой для детей и собственно культурой детей. Первая пытается зафиксировать механизмы порядка и нормирования в интересах взрослых.

В российском обществе постепенно нарастает понимание необходимости признания ребенка субъектом прав и обязанностей, а не только объектом воспитательного воздействия. В то же время, по нашим наблюдениям, особые сложности с внедрением идей прав ребенка в Российской Федерации наблюдаются на микроуровне – прежде всего в семье и школе. На микроуровне эти изменения проходят медленно, затрагивая лишь частично различные сферы семейной жизни. Параллельные изменения двух процессов – социализации современных детей и ресоциализации взрослых – привносят в альтернативу детства особую сложность. Она проявляется в отсутствии единых оценок данных изменений, в несформированности общественной перспективы дальней-

ремлены на официальные государственные структуры, призванные заниматься детьми, и на само детское сообщество. В детской среде наблюдается ситуация, когда сами дети полагают, что знают все о своих правах. Лишь 5 % младших школьников сообщили, что не знают своих прав.

Отметим выявленное из ответов представление части нашего сегодняшнего общества о правах ребенка как синониме вседозволенности, распушенности детей. Кризис системы воспитания, рост подростковой преступности, беспризорность и другие негативные явления в нашей стране совпали по времени с пропагандой идей Конвенции ООН о правах ребенка. У некоторой части общественности выработался взгляд на существование причинно-следственной связи в этой области, произошла «синхронизация» этих не взаимосвязанных процессов.

Новые подходы к политике реализации прав ребенка в Российской Федерации. По нашему мнению, в вопросе соотношения между правами детей и национальным развитием государства в настоящий момент преобладает определенная модель подхода исполнительной власти к разрешению проблем детства, которая может быть выражена следующими словами: «Чтобы дать права детям, необходим определенный уровень национального развития». Значимость прав детей при этом подходе не отрицается, детям просто предлагается «подождать» с их осуществлением до решения других, более срочных и важных, проблем [Бросс, 1995]. Государство рассчитывает на внутренний потенциал семьи, но семья не в состоянии сама выполнить задачу защиты прав ребенка. В подростковой и юношеской среде не выработаны цивилизованные приемы по индивидуальным технологиям самозащиты от неправильных действий взрослых и ровесников.

Необходима разработка механизма контроля за осуществлением Конвенции ООН о правах ребенка в Российской Федерации в форме мониторинга общественного мнения о распространении правосознания в этой области. Управленческие кадры должны обобщать как данные о достигнутых успехах, так и о трудностях, с которыми сталкивается общество.

Может быть признана удачной система интегральных показателей социального благополучия / неблагополучия детей в Российской Федерации, разработанная Е.М. Рыбинским и С.И. Мосягиным, которая включает широкий спектр индикаторов демографических показателей: здоровья, питания, образования, досуговых услуг, материального положения, криминальных проявлений [см.: Рыбинский, 2000]. Отметим, что еще ждет своего решения задача обоснования и выявления показателей субъективного характера, позволяющих судить о степени удовлетворенности / неудовлетворенности самих детей основными материальными, социальными, правовыми и другими условиями, факторами и отношениями между миром детей и взрослых. В моделировании этих показателей главенствующая роль будет принадлежать социологии детства, новой развивающейся отрасли социологического знания.

Необходимо сделать так, чтобы в ходе подготовки будущих национальных

докладов все граждане, включая детей, подростков и молодежь, имели возможность высказать свое мнение, что полностью соответствовало бы духу самой Конвенции. Мы считаем, что ежегодные доклады о положении детей, официальный доклад Российской Федерации о реализации Конвенции ООН о правах ребенка должны включать в себя еще один важный источник – голоса и мнения самих детей.

Идеи прав ребенка «наталкиваются» не столько на проблему малой информированности родителей, учителей и взрослых о Конвенции ООН о правах ребенка, сколько на консервативные установки и ментальность нашего общества. Поэтому информировать детей и инициировать их борьбу за свои права без серьезной работы среди взрослого населения означает провоцировать углубление межпоколенческих конфликтов.

Родители должны направленно получать сведения о том, какие права у ребенка есть, каковы последствия нарушения данных прав, знакомиться с образцами поведения и установления «договорных взаимоотношений» в семьях.

Один из выводов проведенного нами исследования заключается в том, что не только школа, но и детские организации могут и должны стать своеобразными информационными центрами по проблемам прав человека и детей. Более того, только с их помощью может быть осуществлено право на активное участие в жизни общества. Современное детское движение России – это 20 тыс. малых и 80 крупных региональных, всероссийских объединений [Щеглова, 2000; Щеглова, 2003б]. Мы считаем, что лидеры детских и молодежных организаций должны сегодня владеть: умениями по регулированию социальных отношений детей внутри сообществ, созданию условий для их социального благополучия в организации; полной информацией по вопросам законодательства о правах ребенка, методами результативной юридической защиты этих прав не только в рамках организации, но и в семье, школе, обществе; специфическими средствами, приемами работы, присущими детской организации, отличными от педагогических технологий; методами установления посредничества и взаимодействия с государственными органами для решения проблем социального становления молодого поколения; технологиями выдвижения законодательных инициатив.

В детской среде существует интерес к данной проблематике, дети с активной социальной позицией сами в состоянии включиться в работу среди своих сверстников. Сосредоточить свои усилия, по-видимому, необходимо на группах юных журналистов и лидеров детских организаций. Важной нам представляется работа с использованием новых мультимедийных средств, которые активно осваивает молодое поколение. В этой связи необходима всемерная поддержка и пропаганда деятельности «пионеров» этого направления, таких как специализированный компьютерный сайт «Права и дети в Интернете».

Взрослый мир должен не только учитывать интересы, потребности, ожидания детей, но и рассматривать их как сознательных агентов конструирования реальности, участников проектной деятельности. Институциональная, или легитимирующая, деятельность приведет к запланированным ре-

зультатам только в том случае, если будет соотноситься с конструированием новых реалий на микроуровне.

Взрослому сообществу следует признать, что существуют границы возможного и допустимого проектного вмешательства в детский мир. Так, проблему разрушения событийности детства невозможно решить проектами специальных обрядов и ритуалов перехода к взрослости, нельзя искусственно спроектировать новые элементы детской субкультуры.

Одним из актуальных проектов создания новой системы защиты детства является формирование в Российской Федерации института Уполномоченного по правам ребенка или детского омбудсмана [Права ребенка, 2001]. Данный институт создается в стране с 1998 года в подтверждение намерений выполнять принятые на себя международные обязательства. Аprobация данной модели происходила в ряде субъектов Российской Федерации, в том числе в Волгоградской, Калужской, Новгородской областях, Арзамасском районе Нижегородской области, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Москве.

Внедрение этого института требует отдельного обсуждения, в том числе и с привлечением мнения социологов. Одной из целей омбудсменов является создание независимого контрольного механизма за соблюдением прав детей. Необходимо определить, какого рода социальный контроль могут в действительности выполнять эти специалисты. Сегодня проходит обсуждение этих проблем в русле придания уполномоченным особых контрольно-ревизионных, проверочных и даже карающих функций. Сами уполномоченные, по-видимому, так же трактуя независимый контроль, в своих отчетах довольно часто говорят о проверках воспитательных учреждений, интернатов [Права ребенка, 2001]. Разработан даже проект специального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав и законных интересов несовершеннолетних» [Права ребенка, 2001], где предполагается возможность проведения «проверок по собственной инициативе». Такое понимание функций уполномоченного серьезно сужает его общественные задачи.

Дело в том, что под социальным контролем понимается механизм поддержания общественного порядка и регуляции поведения людей; он включает два главных элемента: нормы и санкции. Институт Уполномоченного по правам ребенка мог бы способствовать формированию социальных норм в форме групповых привычек, традиций, нравов и законов, а также презентировать и пропагандировать ценность ребенка в современном обществе. Нам кажется, что для поддержания этих норм уполномоченный должен в большей степени использовать менее формальные, в том числе и позитивные, санкции (публичные одобрения, вручения наград-дипломов, присвоение званий). Уполномоченный в связи с выполнением этой функции мог бы взять на себя задачу формирования и поддержания сети социальных отношений, системы социального взаимодействия различных групп, организаций и формальных учреждений, занимающихся детством и его защитой. Вторая неточность касается термина «независимый». Точнее было

тельно независимыми конкретные лица, если их назначение происходит непосредственно местными властями, и от этих властей зависит наличие помещения, связи и других условий для работы специалистов?

Уполномоченному приходится заниматься вопросами, для решения которых уже созданы (и не в единственном числе) службы и органы. Такая ситуация с дублированием функций способна негативно настроить население против очередной околовластной структуры, поставить под сомнение общества целесообразность формирования такого социального института. К сожалению, не везде проводится социологический мониторинг реализации прав ребенка в территориях, где работают омбудсмены, хотя это могло бы помочь скорректировать реальные перспективы внедрения такого начинания в зависимости от региональных, религиозных, культурных, экономических и иных условий.

Необходимо уточнить главные роли уполномоченного по правам ребенка. По-видимому, они не могут быть одинаковыми на различных уровнях. Если на уровне школы, вуза, учреждения дополнительного образования это должен быть человек, близкий самим юным гражданам, по роли своей скорее психолог, социальный работник, то на уровне города, района больше подойдет юрист. Было бы правильным изучить общественное мнение самих детей, их родителей и педагогов о требованиях к такого рода специалистам.

Областной и региональный уровни требуют от уполномоченного деятельности эксперта: здесь нужен человек, обладающий навыками научной, аналитической работы, способный к сбору информации, критическому осмыслению, обобщениям, классификациям, умеющий ясно, аргументированно выступать публично и излагать письменно свои мнения, выводы, рекомендации и предложения.

Рассмотрение прогностических концепций детства, анализ тенденций позволяет сделать предположение, что проблема детства, возможно, станет в будущем веке глобальной наряду с другими важнейшими проблемами человечества. Как справедливо полагал П. Сорокин, невозможно привести к единству все нормы и ценности народов разных культур [Сорокин, 1997]. Однако именно с помощью процесса обобщения основных норм поведения в отношении детства возможно сделать нормативно-ценностные структуры различных стран и народов совместимыми.

Заключение

Государственная политика в интересах детей осуществляется сегодня как выборочная социальная политика, ориентированная на отдельные категории детей. Она отстает от происходящих социальных трансформаций детства. Положение детей в современной России определяется не только социально-экономическими условиями и мерами социального обеспечения, но и глобальными наднациональными процессами информатизации и институционализации прав детей.

Императивы осуществления государственной политики должны учитывать два важнейших обстоятельства: усиление активности детей вне семьи и ориентацию на группы сверстников; увеличение социальных рисков в связи с возрастанием автономности детей. Большому числу детей не хватает психологической и нравственной готовности жить в новом мире. Эти обстоятельства требуют развития новой структуры поддержки детства, в центре которой была бы гибкая система социальных услуг, способная реагировать на широкий спектр потребностей не только социально незащищенных, а всех групп детей и детских сообществ (формальных общественных организаций и неформальных групп).

Взрослый мир недооценивает компетенцию данных сообществ, пока слабо используя их для влияния на ход социальных процессов. Не «латание дыр и тушение пожаров» в социальной сфере, а работа на перспективу, через установление партнерства с детским сообществом должна стать приоритетным направлением государственной политики в интересах детей.

Список литературы

- Бек У.* Общество риска – к новой современности. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Бергер П. Л., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. М.: Медиум, 1995.
- Бросс Д. К.* Права детей и национальное развитие: пять моделей // Детство идеальное и настоящее. Екатеринбург: Сибирский хронограф, 1995. С. 33–48.
- Бюхнер П., Крюгер Г.-Г., Дюбуа М.* «Современный ребенок» в Западной Европе // Социс. 1996. № 4. С. 128–135.
- Митрикас А. А.* Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социс. 2004. № 5. С. 65–73.
- Митрофанова С. Ю.* Социальный статус детства: жизненно-стилевой подход. Автореф. дис... канд. соц. наук. Саратов, 2004.
- Овинова Ю. В.* Стартовый потенциал детства в современном российском обществе. Автореф. дис... канд. соц. наук. Саратов, 1998.
- Орешкина С. Г.* Особенности социального положения детей в условиях реформирования российского общества (на материалах Иркутской области). Автореф. дис... канд. соц. наук. Улан-Удэ, 2004.
- Права ребенка.* Институт Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации: опыт, проблемы, творческие модели, нормативно-правовая база. М.: Благотворительный фонд «Альтернативное образование», 2001.
- Рыбинский Е. М.* Дети России на рубеже XXI века. М.: Социум, 2000.
- Смелзер Н.* Социология. М.: Феникс, 1994.
- Сорокин П. А.* Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 214–236.
- Цымбаленко С. Б., Шариков А. В., Щеглова С. Н.* Российские подростки в информационном мире. М.: Юнпресс, 1999.
- Щеглова С. Н.* Детство как социальный универсум // Тезисы докладов и выступлений

- на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: В 3 т. М.: Альфа-М, 2003а. Т. 3. С. 63–64.
- Щеглова С. Н.* Молодежное и детское движение в современной России: от гражданской позиции к социальным изменениям // Молодежная политика. 2000. № 4. С. 54–69.
- Щеглова С. Н.* Определение границ перехода от детства к молодости и от молодости к взрослости // Молодежь 97: надежды и разочарования. М.: НИЦ ИМ, 1997. С. 157–166.
- Щеглова С. Н.* Особенности институционализации детского движения в России // Тенденции развития детских организаций и объединений в третьем тысячелетии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2003б. С. 235–240.
- Щеглова С. Н.* Подросток – 98: права в семье, школе, обществе. М.: Социум, 1998.
- Щеглова С. Н.* Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. М.: Социум, 2001.
- Щеглова С. Н.* Труд детей: права и гарантии защиты от эксплуатации // Человек и труд. 2003в. № 3. С. 26–28.
- Щеглова С. Н., Васильева Н. В., Кочнев С. В.* Права ребенка на защиту от экономической эксплуатации: социологический анализ. М.: Социум, 2001.
- Эльконин Б. Д.* Кризис детства и основания проектирования форм детского развития // Вопросы психологии. 1992. № 3–4. С. 7–13.
- Эльконин Б. Д., Слободчиков В. И.* Категория возраста в психологии и педагогике // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 14–18.
- Эриксон Э.* Детство и общество. СПб.: Ленато; АСТ, 1996.
- Coleman J.* Die asymmetrische Gesellschaft. Vom Aufwachen mit unpersonlichen Systemen. Weinheim und Basel, 1986.
- Damon W.* Die soziale Welt des Kidens. Frankfurt am Main, 1984.
- Foley P., Roche J. and Tucker S.* (Eds). Children in Society: Contemporary Theory, Policy and Practice. Basingstoke: Palgrave / Open University Press, 2001.
- Kinderkultur.* Deutscher Volkskundekongress in Bremen vom 7. bis 12. Oktober 1985 / Hrsg. K. Köstlin. Bremen: das Focke-Museum, 1987.
- Richter D.* Kindheit als Utopie // Zur Zukunft von Familie und Kindheit. Berlin, 1985. S. 135–139.

Светлана Николаевна Щеглова
д. с. н., профессор, Российский государственный
социальный университет, Москва

электронная почта: sheglova-s@yandex.ru
